

Слова председателя Бо прозвучали так, будто сдернувший кожицу ребенок плакался папе, что ему больно.

Этот образ невероятно развеселил Цзян Хуая. Он слегка изогнул уголок губ:

— Хочешь, подую?

Но стояло этим словам слететь с губ, как между ними воцарилась мертвая тишина.

Бо Цзянь не сразу ответил. Там, куда не доставал объектив камеры, его пальцы сжались до побелевших костяшек. Однако на лице ничего не отразилось — он лишь едва приподнял веки и тихо спросил:

— И как же ты мне подуешь?

Его взгляд скользнул по влажным губам Цзян Хуая. Оттенок у них был не слишком ярким.

— ...

Из-за глупой аналогии Цзян Хуай сам же загнал себя в ловушку. Но сказать сейчас «я ляпнул глупость» казалось еще глупее. Веко Цзян Хуая несколько раз дернулось, и он выдавил:

— Если тебе больно, я могу...

Черт, дальше не выговорить.

— Я пошутил, — бросил Цзян Хуай.

Но председатель Бо произнес:

— Больно.

Цзян Хуай вскинул глаза и уставился на него.

Бо Цзянь опустил взгляд и чуть улыбнулся:

— Но я ценю твой порыв.

— ...

Они снова долго молчали. Цзян Хуай просто отвернулся, не желая продолжать разговор, а Бо Цзянь считал, что ему вполне достаточно просто смотреть на Цзян Хуая. В комнате горели лишь два прикроватных светильника; тусклый желтоватый свет отбрасывал глубокие тени, и когда кадык Цзян Хуая вздрагивал, крошечная тень на его шее приходила в движение.

Не прошло и пары минут, как Цзян Хуай обернулся и с нахмуренным видом посмотрел в экран:

— Если будешь молчать, я отключусь. Ты там завис, что ли?

— Погоди немного, — проговорил Бо Цзянь. — Я пойду умоюсь. Подождешь, пока я лягу в кровать?

Липнет и липнет, прямо как маленький ребенок, который не может шагнуть без папы. Цзян Хуай снова мысленно забавлялся своими сравнениями.

Он недовольно фыркнул:

— Тогда давай быстрее, я спать хочу.

Альфа в период восприимчивости и правда вели себя своеобразно — им жизненно необходимо было чье-то присутствие.

Бо Цзянь поднялся:

— Угу, подожди меня.

Пойдя в ванную, Бо Цзянь не стал брать с собой телефон. Он встал, и в ракурсе Цзян Хуая его лицо сменилось видом ниже подола рубашки.

Кадык Цзян Хуая снова дернулся.

Сквозь свободные школьные брюки отчетливо проступал выпирающий бугорок. Бо Цзянь сделал шаг в сторону, и сбоку это было видно еще отчетливее.

Цзян Хуай не сводил глаз с Бо Цзяня, пока тот не вышел из зоны видимости камеры.

Он почувствовал себя каким-то извращенцем.

Бо Цзянь закрыл дверь в ванную. Он слегка опустил глаза — он знал, что Цзян Хуай увидел. Он сделал это специально, чтобы посмотреть на его реакцию... Но реакции не последовало.

Отсутствие реакции — тоже хорошая реакция.

Вот только оттого, что Цзян Хуай посмотрел на него, стало, кажется, еще тяжелее.

Председатель Бо немного жалко и одиноко постонал про себя, а затем послушно взял зубную щетку.

Если он застрянет в ванной слишком долго, Цзян Хуай не только догадается, чем он там занимается, но и потеряет всякое терпение, сбросит звонок и ляжет спать один.

А сегодня он хотел уснуть вместе с Цзян Хуаем.

Обычно чистоплотные люди тратят на умывание от часа до двух. Цзян Хуай взглянул на часы в телефоне: если через пятнадцать минут Бо Цзянь не появится, он просто повесит трубку и ляжет спать.

Однако председатель Бо вернулся в кадр уже через тринадцать минут.

Цзян Хуай из вежливости чуть отвел взгляд.

— Спокойной ночи, — услышал он тихий голос Бо Цзяня.

Цзян Хуай перевел взгляд на экран: Бо Цзянь уже улегся. Свет был слабым, изображение не слишком четким. Забравшись под одеяло, Цзян Хуай неожиданно ощутил редкое умиротворение.

Ему хотелось язвительно бросить: «Думаешь, уснешь?», но слова застряли в горле. Он выключил свет и так же тихо произнес:

— Спокойной ночи.

\*\*\*

Вэй Хэпин позвонил Цзян Хуаю в субботу днем.

Зная Цзян Хуая, его «поговорим в субботу» означало согласие. Поэтому Вэй Хэпин сразу перешел к делу, уточняя время и место:

— Завтра в десять тридцати у главных ворот школы... Сначала поедим в Ванда, а потом пойдем тренироваться. Мячи принесут Сюй Вэньян и остальные. Вместе с тобой завтра будет семеро: пятеро основных игроков баскетбольной команды, я и Ван Цзин...

— Ван Цзин? — переспросил Цзян Хуай.

Вэй Хэпин помолчал пару секунд, думая про себя: «Уже месяц учимся, неужели ты до сих пор имена одноклассников не запомнил?»

— Ну, наш математический староста! Девушка-Омега!

— А.

Цзян Хуай вспомнил ее, но не понимал, зачем девочке тащиться на тренировку парней.

Вэй Хэпин тут же лукаво пояснил:

— Между Ван Цзин и старостой кое-что есть. У людей свидание, понимаешь?

— А.

До его дела нет.

Каким бы ярким пламенем ни пылала жажда сплетен у Вэй Хэпина, два подряд сухоньких «а» Цзян Хуая залили его водой. Он спросил:

— А-Цай одна дома? Может, приведешь ее ко мне? В воскресенье мои родители как раз отдыхают дома.

Раздался звонок в дверь. Цзян Хуай стоял далеко, поэтому А-Цай, семеня ногами, сама пошла открывать.

Кулинарные способности Цзян Хуая были посредственными до крайности: кроме пары простых блюд, бульона да лапши, он ничего готовить не умел. Поэтому, когда они с А-Цай оставались дома, при отсутствии времени он готовил сам, а если время было — заказывал доставку.

А-Цай с серьезным видом приняла из рук курьера штук семь-восемь контейнеров с едой, от тяжести которых у нее аж плечи провисли.

Цзян Хуай забрал у нее часть коробок и поставил на стол:

— Не надо. Она дома ведет себя тихо, сама может разогреть еду.

— Точно не надо?

— Не надо, она не любит ходить в незнакомые места.

— Ох, — вздохнул Вэй Хэпин и больше не настаивал. — Ну тогда завтра в десять тридцати у главных ворот.

Повесив трубку, Цзян Хуай посмотрел на А-Цай, которая тянулась изо всех сил, пытаясь расставить контейнеры на столе, и сказал:

— Завтра утром я уйду, вернусь во второй половине дня.

А-Цай кивнула без особых эмоций.

Цзян Хуай продолжил:

— Дома к розеткам не прикасайся и кухонные ножи не трогай.

А-Цай снова кивнула.

Цзян Хуай ненадолго задумался:

— Завтра в обед сама разогреешь вчерашнее или мне заказать тебе доставку к определенному времени? Откроешь дверь и заберешь.

А-Цай приподнялась на цыпочках, уселась на стул и достала из небольшого шкафчика рядом маленькую стаканчиковую лапшу и кормовую кукурузную сосиску.

Она посмотрела на Цзян Хуая так категорично, что ответ был очевиден.

— ...

В новой начальной школе А-Цай обстановка была куда дружелюбнее, чем в примыкающей к Четвертой школе, да и учительница Лю Хун проявляла к ней много заботы... Обижать А-Цай пока никто не пытался, но за месяц учебы Цзян Хуай заметил, что поведение сестренки стало каким-то странным.

Загадочно-мрачным.

Быстрорастворимая лапша — штука нездоровая, поэтому в субботу вечером, когда А-Цай уснула, Цзян Хуай конфисковал ее стаканчик с лапшой и сосиску, после чего оформил ей доставку на воскресный обед, добавив в примечаниях: «Доставить точно в срок, постучать дважды и оставить у двери».

У временной метки был один плюс: на этих выходных Цзян Хуаю не требовалось делать укол ингибитора типа С.

Срок действия временной метки примерно совпадал со сроком действия одной дозы ингибитора типа С.

\*\*\*

В воскресенье около десяти утра Вэй Хэпин, держа в руках баскетбольный мяч, еще издали помахал Цзян Хуаю:

— Хуай-гэ!

Поскольку они собирались пойти поесть, Цзян Хуай не стал брать скейтборд и неторопливо шагнул к воротам школы. День выдался хорошим; под деревьями на золотистых опавших листьях сверкали капли росы.

У ворот уже собрались шестеро... не хватало только Чжао Тяньцина.

Сюй Вэньян, крутя в руках телефон, улыбнулся:

— Чжао Тяньцин сказал, что будет через пару минут... Что поедем на обед?

Все принялись наперебой предлагать:

— Давайте жареную курицу!

— Какую еще курицу?

— Да ну тебя, надоело!

Ван Цзин, сдерживая улыбку, стояла рядом с Сюй Вэньяном, хотя на парочку влюбленных они были не слишком похожи.

Вэй Хэпин ткнул Цзян Хуая локтем:

— Цзян Хуай, ты что хочешь?

Цзян Хуай подумал немного:

— Хого?

Вэй Хэпин театрально вздохнул. Из-за излишней наигранности вздох вышел ужасно неестественным:

— Эх, старина Цинь больше всего любил хого.

Цзян Хуай косо посмотрел на него:

— И?

Вэй Хэпин замялся:

— Да так, ничего... Просто старина Цинь просил передать, что, когда вернется в страну, ты должен угостить его хого.

Цзян Хуай раскусил его на месте:

— Он тебе звонил?

Вэй Хэпин сбивчиво промямлил нечто неопределенное.

Такая реакция Вэй Хэпина с вероятностью в девяносто процентов означала, что Цинь Юйхэ снова наплел про него бог весть что.

Цзян Хуай спросил:

— Что Цинь Юйхэ тебе обо мне нарасказывал?

Вэй Хэпин замялся еще сильнее.

Разве он смел сказать правду?

Сказать, что Цинь Юйхэ в мельчайших деталях расспросил его о «председателе Бо» — начиная от возраста, внешности и характера и заканчивая успеваемостью? Сказать, что Цинь Юйхэ поинтересовался, не распускал ли этот бесстыжий Альфа по кличке «председатель Бо» — цитата! — руки в отношении Цзян Хуая?

<http://bllate.org/book/18377/1766531>